

Кира Калинина

ЗВЕЗДЫ
С КОРИЦЕЙ
И ПЕРЦЕМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Дизайн обложки Яны Половцевой
Иллюстрация на обложке Юлии Пасынковой

Калинина, Кира.

К17 Звезды с корицей и перцем / Кира Калинина. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 256 с. — (Магическая любовь).

ISBN 978-5-17-164491-8

Случайное знакомство, пара часов вместе, одна на двоих мечта о звездах — и Врата между их планетами закрылись. Он обещал вернуться, но не сдержал слова, а когда спустя годы судьба свела их вновь, просто не узнал ее. И все же не смог пройти мимо. Она для него тайна, которую хочется разгадать, крепость, которую нужно покорить. Он для нее — заноза в раненом сердце, которую не выдернуть, и препятствие на пути к цели, которое не обойти. Потому что старые чувства не остыли. Но она больше не девочка, готовая забыть себя ради любви, в то время как он намерен добиться ее во что бы то ни стало... Кто сдастся первым?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-164491-8

© Кира Калинина, текст, 2024
© Юлия Пасынкова, иллюстрация
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2024

ГЛАВА 1

— Девочки, смотрите, сторриане! Леля повернула голову. Посреди главной аллеи Верхнего сада бил простенький фонтан на два рожка, а по ту сторону фонтана под цветущими липами кучкой стояли студенты Гривтадского объединенного университета страль-технологий. Рослые, ладные, сразу видно: старшекурсники.

Вихрастые головы, воротники нараспашку и закатанные рукава форменных курток только добавляли им лихости. Наверное, такими разгоряченными и бесшабашными бывают герои, только что вырвавшие победу в трудном бою.

Они и были героями. Без этих парней Большие Врата сегодня разлетелись бы в пыль, обрушив горный склон, на котором стояли, и превратив Биен в грудку камней.

Сторриане болтали и смеялись. Один из них бросил взгляд в сторону фонтана — и Леля приросла к месту. Все так же искрились струи воды, падая в оббитую по краям известняковую чашу, звенели в ветвях птичьего голоса, из-за деревьев долетали звуки духового оркестра. Ветерок играл листвою, и кружево теней дрожало над старыми чугунными скамейками, где, как воробьи

на гребне крыши, стайками теснилась молодежь. Краснели плоды на кустах шиповника, в воздухе кружили золотые стрекозы. Детвора с криками носилась по дорожкам сада, и разноцветная каменная крошка хрустела под подошвами маленьких сандаличков. Но Леля ничего этого не слышала и не замечала. Казалось, между ней и сторрианином, глаза в глаза, проскользнул солнечный лучик, связав их незримо и прочно, как страль-поток связывал Сторру и Смайю.

Самое смешное, что она даже не рассмотрела его толком. Русоволос и довольно высок — вот, пожалуй, и все.

— Лелька, ты что, влюбилась? — прозвучало над ухом.

Ее стали тормошить, и Леля вынырнула из своего сна наяву, невольно разорвав зрительный контакт.

Раздался новый вскрик:

— Ой, девочки, они идут сюда!

Сторриане и правда направлялись к ним. Всей гурьбой, пересмеиваясь и подначивая друг друга.

Ясно синели небеса, знойный день пах медом и мечтами. Подруги жались в кружок, трогали косички, оправляли ситцевые платяца и, хихикая, в волнении переступали стройными загорелыми ногами в белых носочках и туфельках с ремешками через подъем.

Леля снова поймала взгляд «своего» сторрианина, и у нее стеснило грудь от предчувствия чего-то важного, нет — главного в жизни.

— Привет, девчонки! Куда это вы, такие красивые, и без нас? — произнес нахальный голос с характерным жестким выговором.

Перед Лелей, загородив собой других, остановился плечистый парень. Глаза у него были синее полевых васильков, на лоб картинно падали смоляные завитки, а такие лица с утонченно-мужественными чертами она видела только в кино. Парень прищелкнул языком:

— Вот это косы!

Леле достались удивительные волосы: цвета спелой пшеницы, с янтарно-золотыми и светло-льняными струями, волнистые, густые, едва не до колен, и своевольные — сколько ни подбирай, как ни стягивай, все рассыпались. Леля делила их на две косы; одна получалась слишком тяжелой, и заплетать ее было трудно.

Синеглазый сгреб в горсти обе косы, восхищенно покачал на ладонях, перебирая пальцами пушистые концы.

— Эй, Ферди, лапы придержи!

Нахала оттеснил другой студент. Ниже ростом, не такой красивый: нос крупнее, скулы шире. Но — тот самый. И глаза совсем обыкновенные, серые с голубым. Те самые.

— Привет. Я Рик.

— Леля.

Ей и в голову не пришло назваться полным именем. Для всех она была просто Лелей — дома, на улице, в школе, а теперь и в училище.

Она сама вложила руку в жесткие горячие ладони сторрианина и загляделась: вовсе не обыкновенные у него глаза — будто огни в вечерней дымке. Лицо... Хорошее лицо, лучше не надо!

Рик улыбнулся:

— Какое у тебя имя.

— Какое? — спросила она.

— Круглое. Сладкое. Как леденец. Или карамелька. Ле-ля, — произнес он по слогам, растягивая гласные и будто перекатывая их на языке.

— Не люблю сладкое, — сказала Леля, сердясь на Рика, а больше на себя. За пунцовые щеки, за руку в его руке, за мурашки, бегущие по плечам, и за то, что она не хочет, чтобы это кончалось.

— А что любишь? — спросил он.

— Пирожки.

Сначала они шагали скопом, парни в серых куртках и девушки в цветастых платьях, и так удивительно

совпало, что для каждой нашелся кавалер. Леля с Риком шли вместе со всеми. Вот только что шли — и вдруг отстали. Она видела, как удаляются спины, серые и цветастые, и синеглазый Ферди что-то говорит на ухо рыжей красавице Астрид...

— И где тут у вас пирожки? — спросил Рик.

— На Гульбище, — ответила Леля.

Так жители Биена прозвали обширную площадку над ручей, с которой открывался вид на долину, лежащую в морщинистых ладонях старых низкорослых гор. Внизу блеснул ручей, на изумрудных холмах клубились облачка овечьих стад. Выйдя из тени садовых аллей, горожане и приезжие замирали в восторге перед этой картиной. А едва отводили взгляд, Гульбище затягивало их в водоворот немудреных соблазнов. Свежий ветерок с покатых вершин резвился среди аттракционов, палаток и лотков с сувенирами, напитками, сладостями, мороженым и выпечкой, разнося по округе аппетитные запахи.

Румяные пирожки с телятиной были обернуты в плотную серую бумагу, но Леля с Риком все равно перемазались жиром и соком. У Рика нашелся носовой платок — белый, из тонкого льна, с вышитой монограммой «Р». Леле было жаль пачкать такую красоту, и Рик сам бережно промокнул ей губы и подбородок.

Его дымчатые глаза стали ярче и темнее. У Лели пылали щеки — должно быть, от солнца. Мама говорила, румянец ей к лицу: кожа становится нежно-розовой и даже при сильном волнении алеет не резко, а приятно, придавая облику живости.

Было людно. Казалось, весь Биен высыпал на воздух праздновать избавление от угрозы. Пока Рик вытирал Леле пальцы, один за другим, медленно и тщательно, она заметила соседского паренька Нильса Карпета. Он ел мороженое, пристроившись у двух тантамаресок — фотостендов с прорезями для лиц. Напротив стояла камера в деревянном корпусе на треноге, рядом

≈ Звёзды с корицей и перцем ≈

сидел на корточках унылый фотограф. Обычно он зарабатывал съемкой приезжих. Но сейчас чужакам было не до местной экзотики. Все ждали команды к отбытию. Нильс Карпет смотрел на Лелю исподлобья, и мороженое сливочными струйками текло по его руке.

Рику тоже захотелось мороженого. В Гростаде сейчас стояла глубокая осень, и в своем плотном шерстяном сукне Лелин кавалер изнывал от жары.

Сторра вообще была холоднее Смайи. Из-за этого, наверное, и родилась поговорка: «У сторов холодная кровь».

В десяти шагах от тележки с пломбиром и эскимо пристроилась бочка, из которой в толстые кружки разливали яблочный сидр.

— Возьмем?

Леля помотала головой.

— Почему?

— Не хочу!

Рик прищурился:

— Тебе шестнадцать-то есть?

Она отчаянно зарделась, но ответила с вызовом:

— Мне семнадцать! Некоторые и восемнадцать дают.

А тебе сколько?

— Девятнадцать... Было месяц назад.

Леля постаралась придать себе серьезный, взрослый вид.

— Я в училище учусь, — произнесла она веско. — На курсе страль-технологий.

И наконец спросила, о чем хотела. О сбое Врат и как его устраняли — объяснив:

— От нас взяли только третьекурсников. Одних мальчишек.

— И правильно сделали. Чтобы остановить хаотический распад страль-структуры, нужна физическая сила. У меня и то жилы трещали.

Рик окинул Лелю взглядом, будто говоря: тебе-то куда?

— Для вхождения в страль-резонанс нужны сила, воля, дисциплина и высокий потенциал когеренции, — отчеканила она. Строго по учебнику.

— И какой у тебя потенциал?

— Семь с половиной по Ясперу!

— Ого, — уважительно протянул Рик. — У меня сейчас семь и восемь. Ты на каком курсе, на втором?

Тут Леле захотелось провалиться сквозь землю.

— На первом. Только поступила...

Рик расхохотался:

— Значит, пятнадцать!

— Ну и что, что пятнадцать? — обиделась Леля. — Скажешь, маленькая еще?

— Да нет, не маленькая. Очень даже... взрослая.

Рик медленно скользнул по ней взглядом — от лица вниз и обратно.

Так на нее еще никто не смотрел. Казалось, она плывет в полуденном мареве, как во сне, и вокруг ни души — только они двое.

— Янка! Иди сюда, паршивец! — прокричал совсем рядом визгливый женский голос.

Теплая дымка волшебства, окутавшая Лелю и Рика, дрогнула, но не исчезла, а как будто свилась в струйку, нырнула в рукав серой куртки и притаилась там, выжидая удобного момента — такое у Лели было чувство.

Рик неловко улыбнулся.

— Я в пятнадцать до семерки не дотягивал, — возобновил он разговор. — Тебе с таким потенциалом в Сётстад надо, а не в этот ваш...

Он не стал договаривать, кивком указав на уступ справа, где темнел угловатый короб Биенского уездного среднего профессионального училища. Несколько лет назад столичная академия открыла при нем филиал и набрала экспериментальный страль-курс. В окрестностях Врат людей со страль-способностями всегда рождалось больше, чем в других частях Смайи, но мало кто

из биенцев отваживался попытать счастья в дорогом и шумном Сётстаде.

Так было раньше. Теперь лучшим выпускникам филиала обещали стипендию в головной академии, и Леля не собиралась упускать свой шанс.

— Чем думаешь заняться потом? — спросил Рик.

— Вратами, — выдохнула она. — Я хочу работать со Вратами!

Рик задумался.

— А что? Стоит попробовать. Три года тут, четыре там. Подкачаешь потенциал, к выпуску будет восьмерка. С восьмеркой тебя даже на Мелоре примут.

Леле стало радостно от его одобрения. А Рик уже с увлечением рассказывал о профессоре, который привел их группу на Смайю. Надо же, сам Готлиб Кизен! Участвовал в эксперименте мелоран на Клетте, пробудил Врата Дирана, прекратил землетрясения на Шакме, подчинив себе сейсмическую установку *дарителей*; его учебник «Биофизические основы страль-резонанса» стоял у Лели на полке над письменным столом. «Прагма есть вещество, знающее о своем предназначении, и задача страль-оператора — помочь ей это предназначение реализовать». Простое определение Кизена описывало страль-процесс лучше, чем все многословные формулировки из классических трудов. Повезло же Рикю — учиться у такого человека!

Профессор объяснил сбой биенских Больших Врат длительной перегрузкой, из-за которой базовая страль-структура потеряла устойчивость. Хватило сильной вспышки на солнце, чтобы потоки заряженных частиц запустили реакцию расщепления. Врата превратились в бомбу, готовую сдетонировать в любой момент.

Вызвать помощь из Сётстада было нельзя — активация Малых Врат привела бы к всплеску энергии в Больших. Потребовались усилия всех наличных

страль-техников, чтобы прекратить распад и добиться стабильного резонанса.

Счастье, что Кизен и его студенты-четверокурсники оказались в Биене именно сейчас. Короткая остановка на пути из Сётстада обратно на Сторру...

Профессора интересовали руины сётстадских Гигантских Врат. Он разработал новый метод возбуждения страль-структуры, теоретически способный возвращать к жизни мертвые прагматы, и хотел испытать его в Сётстаде. Объединив усилия, Кизен и его студенты пытались добиться отклика от прагмы Врат. Сделать то, что оказалось не по плечу даже мелоранам.

И у них получилось!

— Нам удалось возбудить слабое страль-поле и достичь когеренции... Всего на несколько секунд, но Врата живы, мы все это почувствовали! И это не пассивный портал, как у вас в Биене, а полноценные мультиактивные врата. Если удастся их восстановить... *когда* удастся... вы сможете ходить не только на Сторру, но и на Мелор, и на Кезу, да хоть на Ранд. Конечно, это будет нескоро. Лет через десять или пятнадцать. Суть метода в том, чтобы создать фантом универсальной базовой структуры и заставить прагму принять его...

Рик сыпал терминами, жонглировал идеями, рассуждал о перспективах. Леля и половины не понимала, но голова у нее кружилась от восторга. Ей нравилось слушать Рика, нравилось смотреть, как он улыбался, как горят его глаза, как рука с широкой кистью и узким запястьем взлетает пригладить взерошенные ветром волосы, а потом азартно рубит воздух...

Большие Врата виднелись совсем недалеко — на пологом склоне слева. Нынче ночью они сияли страшным бело-голубым светом, а сейчас мирно посверкивали на солнце округлой порталной рамой — как было всегда, сколько Леля себя помнила. Малые Врата венчали собой один из холмов в долине. Там как раз зажглись

зеленые огоньки — это спешно возвращались из Сётстада жившие и работавшие там сторриане. До вечера всех их отправят домой, и Большие Врата погрузятся в целительный сон.

Профессор Кизен уверен, что простой займет года два, самое большее три. За это время прагма полностью регенерирует, связи страль-структур окончательно восстановятся и окрепнут, резонанс обретет здоровую частоту. И сообщение между Смайей и Сторрой откроется вновь.

Насмотревшись на Врата, Леля с Риком взяли за руки и пошли гулять вдоль обрыва.

Но скоро наткнулись на Нильса Карпета с парой приятелей. На лицах троицы застыло одинаковое выражение угрюмой решимости; штаны мели пыльный щебень Гульбища, руки были засунуты в карманы, кепки надвинуты на брови.

В свои шестнадцать Нильс выглядел совсем мальчишкой, голос у него еще ломался. Но напустив на себя грозный вид, юный Карпет выступил вперед и потребовал от Рика «отвалить», потому что:

— Наши девчата с пришлыми не ходят!

Леля задохнулась от возмущения и стыда:

— Я сама решаю, с кем мне ходить!

Нильс сплюнул Рiku под ноги.

— Что, стор, трусишь? За девчонку прячешься?

Приобняв Лелю за плечи, Рик немного подвинул ее в сторону и смерил задиру взглядом. Он был старше, выше, сильнее, но один против троих.

Нильс набычился:

— Пошли потолкуем, как мужчины.

Леля вцепилась в запястье Рика, прошипев сквозь зубы: «Не пуцу!» Сторрианин погладил ее по руке и снисходительно улыбнулся сопернику.

— Мужчины не портят настроение прекрасной даме грязным мордобоем. Мужчины совершают подвиги в ее честь. — Он кивнул на аттракцион «Рыбак и рыбка». — Три попытки — три рыбки. Я сам за себя, вас трое, один ловит, двое на раскачке. Идет?

— Но так нечестно, — неуверенно подал голос конопатый Одд, приятель Карпета.

— Честно, — усмехнулся Рик. — У меня руки длиннее. Если победишь, — пообещал он Нильсу, — врежешь мне вон той колотушкой, — кивок на шест с крюком в руках зрителя аттракциона. — Проиграешь, я — тебе.

Это была рискованная забава.

Чуть не у самого обрыва стоял столб с поперечиной наверху. Силуэтом он напоминал колодец-журавль или высокого тощего удильщика с длинной снастью, заброшенной над косогором. К удилице была привязана деревянная рыбка, а со столба свисал канат с петлей. Надо было вдеть в нее ногу, с разгона пролететь над пропастью и сорвать рыбку.

Молодые парни любили испытать себя, но далеко не каждому давалась в руки вертящаяся на ветру игрушка. Поймать ее дважды подряд было большой удачей. А уж трижды...

Но Рик сделал это.

Отсыпал мелочи в ладонь зрителю. Не обращая внимания на насмешки противников, постоял, разглядывая столб, рыбку и покатый склон, частично поросший травой и кустами. Поднял голову к небу, подергал канат.

Леля следила за ним, прикусив краешек косы. Удерживать мальчишек, если им взбрела блажь помериться удалью, напрасная затея. Пусть лучше катаются, чем дерутся.

Рик забросил ногу в петлю и побежал вокруг столба, заваливаясь боком на внешнюю сторону круга. Канат сильно натянулся, бег перешел в длинные прыжки. Сторрианин взмыл над обрывом. На секунду завис на фоне неба, правой рукой отпустил канат и взял рыбку. Именно взял — без натуги, просто, как берут яблоко с подоконника. А в следующую секунду подошвы его ботинок шаркнули по щебню площадки.

— Ловок, — крикнул зритель в седые усы.

Крюком пригнул конец удилица к земле. Его внук, пацаненок в коротких штанишках на помочах, сноровисто привязал новую рыбку. В корзинке их было штук пять про запас, каждая со своей ниткой, намотанной на щепку.

Нильс подошел вразвалку, напоказ поплевал на руки, разбежался и у самого обрыва вскочил на петлю обеими ногами. Стоя он мог достать выше. Но канату не хватило размаха. Нильс сильно потянулся, пытаясь схватить рыбку, от толчка канат повело, нога в поношенном башмаке соскользнула — и Леля сжала руку сторрианина.

Она знала, как замирает сердце в полете над пустотой. Девчонки тоже катались — петля была достаточно велика, чтобы служить веревочным сиденьем.

На ее памяти никто еще не сорвался. Но все бывает впервые...

Смотритель тоже испугался и, когда Нильс спрыгнул на землю, держа рыбку в побелевшем кулаке, отвесил ему затрещину:

— Катайся как положено, а то больше не пуццу!

Может, это и сбило Нильсу настрой. Со второй попытки он все сделал правильно, и разгон взял хороший, и рыбка словно поджидала его — как он промахнулся?

— Не повезло, — объявил, независимо передернув плечами, и бросил на Рика такой взгляд, что Леле стало страшно.